

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

5 (68)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 0

АРАБЫ У ГРАНИЦ ВИЗАНТИИ В IV в.

У границ Византийской империи в IV в. арабские племена заняли своеобразное положение. Их роль как буферных объединений при мощных государствах Передней Азии еще не определилась, но их участие в войнах, согласие оказать помощь или отказать в ней, уже создавали взаимную зависимость, которая в полной мере выявилась в первых десятилетиях следующего столетия, когда государства Гасанидов и Лакмидов заняли свое, столь заметное в V и VI вв. место.

Задолго до того как Константинополь стал центром Римской империи на востоке, сложились арабские государства Петра и Пальмира, возникшие на торговых путях. Петра держала в своих руках ключевые позиции путей в Хиджаз и дальше в Южную Аравию, как и на запад — в Африку. Пальмира расцвела у самых границ империи, на „дороге Диоклетиана“, соединявшей важнейшие города Финикийского побережья, Сирийской пустыни и Междуречья.

Письменность и язык надписей Петра и Пальмиры был арамейский, влияние которого было обусловлено торговыми связями этих государств. Лишь постепенно стало возрастать влияние арабского языка. Под давлением Рима прекратили свое существование сначала в 106 г. Петра, а в 272 г. была разрушена Пальмира. К этому времени после падения государства Одейната и Зейнабы (Зиновии), в период значительного ослабления Ирана, при Сасанидах Варахране II (275—292) и Нерсе (292—301), арабские племена пустынь почувствовали крепкую руку нового господина, из рода Лакмидов в Хирте. Лакмидские цари не были зависимы от персов и стремились стать твердой ногой у границ империи.

О северных арабских племенах IV в. сохранились сведения у греческих и латинских историков, имеются немногочисленные надписи и малодостоверные генеалогии арабских авторов.

В качестве источника по истории арабов IV в. существенное место занимает древнейшая арабская надпись из Немары, селения, расположенного на юго-запад от Дамаска и на северо-запад от Бостры (Босры), в приблизительно равных расстояниях от обоих городов.¹ Этот памятник

¹ R. Dussaud. Les arabes en Syrie avant l'islam. Paris, 1907, рис. 10, стр. 39.

хранится в Лувре. Надпись состоит из пяти строк, написанных набатейским письмом на базальтовой плите, размером 116 × 33 см. Это надгробие на арабском языке неоднократно издавалось, переводилось и комментировалось. Впервые даем русский перевод надписи:

„(1) Это гробница Амрулькайса, сына Амра, царя арабов всех, того что повязал диадему, (2) покорил Асад и Низар и их царей, обратился в бегство Мазидж до сего дня, отправился (3) поразить Неджран, город Шамира, покорил Маад, разделил сыновьям (4) племена, предоставил Перас им и Руму. Ни один царь не достиг его высоты (5) до сего дня. Он умер в год 223 в 7 день кислула. Да будет благополучие его потомству“.¹

Транскрипцию имени Амрулькайс принял в своей последней, упоминающей эту надпись, работе Дюссо, тогда как в предыдущих он транскрибировал это имя как Имрулькайс. С нашей стороны укажем, что в греческом звучании это имя передается как Аморкес, что подтверждает его произношение как Амрулькайс. Этот царь „всех арабов“ повязал (очевидно „повязал“ себе) диадему — *тадж*. О том, что слово *тадж* приобрело широкое распространение из персидского языка, неоднократно отмечалось.² Слово **ملك** в строках 2-й и 3-й имеет смысл

„покорить“, „захватить“, „подчинить“; **بَيْنَ** — „разделил“ сыновьям, т. е. разделил между своими сыновьями „племена“ — **الشعوب**. Смысл последнего слова как „племена“, иногда как „общины“ постоянно встречается в южноарабских надписях. Дюссо допускает перевод слова **وَأَلْهَنَ** — „подразделил“ („departagea“). Но правомерен и перевод, предложенный Пейзером, — „предоставил“ („hatte überlassen“).³ Это слово имеет еще значение „делать опорой“, „опираться“, но в этом случае оно требует предлога, которого в тексте нет. **مِبْلَغُهُ** буквально означает „его высота“, но, конечно, возможно переводить это выражение как „слава“. **وَلَدُهُ** — собственно „его порождение“ и следовательно „потомство“.

Эпитафия Амрулькайса была написана на его гробнице; в ней он назван сыном Амра. Есть основания предполагать, что это представитель рода, занявшего положение царствующего дома в Хирте. Лахмид Амр, сын Ади, царствовал с 270 по 300 г. Амрулькайс I был его сыном, и его смерть датируется данной надписью. Названный царем „всех арабов“, он объединял не только те племена, которые кочевали

¹ Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, t. I. Publ. par. Et. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet, Le Caire, 1931, стр. 1—2.

² Th. Nöldke. Der Araberkönig von en-Nemara. Florilegium... De Vogüé, Paris, 1909, стр. 464.

³ R. Dussaud. La pénétration des arabes en Syrie avant l'islam. Paris, 1955, стр. 64; F. E. Peiser. Die arabische Inschrift von en-Nemara. Orientalistische Literaturzeitung, 1903, № 7, стлб. 280.

вдоль границ Восточно-Римской империи и Персии, от Дамаска и Антиохии до берегов Тигра. Амрулькайс подчинил племена Асад и Низар и обратил в бегство „бану Мазидж“ (или Махидж). Надпись свидетельствует также о совершенном им походе в Южную Аравию. Так как надпись говорит, что царь „отправился“, „двинулся вперед“ — وجاه بزجای — в противоположность предшествующим „покорениям“, то, следовательно, можно с уверенностью говорить, что его коренные владения были значительно удалены и, вероятно, составляли области Сирии и Месопотамии, издавна бывшие местами арабских кочевий. В известной мере этот Лахмид должен был утвердиться в областях, принадлежавших царям Пальмиры. Неджран, „город Шамира“, важный торговый центр, сыгравший особенно большую роль в политических событиях VI в., был целью этого похода. Следует отметить, что Шамир был царем Неджрана до 320 г., о чем свидетельствуют южноарабские надписи, и это находится в полном хронологическом соответствии с надписью Амрулькайса.¹ Удар, нанесенный Амрулькайсом, вероятно должен был привести к подчинению, может быть к уплате дани городом, во всяком случае формулировка отличается от „покорения“, как оно выражено во 2-й строке относительно племен Асад и Низар. Племя Мазидж было обращено в бегство и, следовательно, не покорилось „царю всех арабов“, а удалилось, бежало и вновь не появлялось „до сего дня“.

Вслед за походом на Неджран упоминается о покорении племени „Маад“. Маадеи — большое, многочисленное и воинственное племя — неоднократно называются как греческими и сирийскими источниками последующих двух веков, так и северными, и южноарабскими надписями. Маадеев „покорил“ Амрулькайс.

Далее в надписи следует сообщение о внутреннем устройстве государства „сына Амра“. Главенство над племенами он „поделил“ или роздал своим сыновьям, выражаясь словами надписи, „разделил сыновьям племена“, сохраняя за собой верховную власть в качестве „царя всех арабов“. Следующее предложение надписи содержит некое определение его отношений к Персии и к „Руму“. Прежде всего следует обратить внимание на то, что „Перас“ предшествует „Руму“; следовательно, первое и более почетное место принадлежало Ирану. Это имеет значение и в том случае, если принять перевод Клермон-Ганно, с которым согласился Дюссо, а именно читать „Li Fars wa li Roum“ — „он поделил (племена) между персами и ромеями“.² Пейзер понимал это место иначе, он переводил: „так как Персия предоставила их

¹ J. Ruyckmans. L'institution monarchique en Arabie meridionale avant l'Islam. Louvain, 1951, стр. 311.

² Ch. Clermont-Ganneau. Recueil d'archeologie orientale, VI. Paris, 1905, стр. 308; R. Dussaud. La pénétration des arabes, стр. 64. Перевод, предложенный.

Риму“ — „denn Persien hatte sie Rom überlassen“, „они“ — это племена.¹ В последнем чтении арабский текст сохраняется без дополнения переводчика, тогда как для перевода Клермону-Ганно было необходимо вставить „li“ перед словом Перас, которого в тексте надписи нет. Нам представляется возможным такое истолкование, при котором выраже-

ние **وكلهن** сохраняет свой первоначальный, основной смысл „быть опорой“, „опираться“, „предоставлять“, т. е. выделение племен сыновьям Амрулькайс произвел при известной поддержке или с согласия Персии, и что „li“, имеющееся в тексте надписи перед словом „Roum“, дает перевод „и Риму“. Иначе говоря, оставаясь „царем всех арабов“, герой эпитафии действовал, примиряя интересы обеих держав. Самый факт, что названы оба государства, взаимоотношения которых в V и особенно в VI в. играли такую решающую роль в жизни северных арабских племен, указывает на то, что и в IV в. равновесие достигалось лишь при условии примирения их интересов.

Амрулькайс, конечно, был относительно независим от Ирана, как это утверждал еще Нельдеке.² Это ясно из надписи, где нет данных о его подчинении; из того, что он находился в области территории, принадлежавшей или контролируемой империей, и именно потому, что ему было подвластно много племен, он и назван „царем всех арабов“. То что Лахмид Амрулькайс находился в Немаре, близ известной древней дороги, превращенной при Диоклетиане в римскую мощеную „страту“, объясняется тем, что после того как Рим разделался с Пальмирой, арабы могли искать и находили возможности для объединения. Следует также напомнить о том, что в VI в., во время спора за *Strata Diocletiana*, Лахмиды ссылались на свои давнишние права на нее. Надпись из Немара указывает на то, что еще в IV в. Лахмиды находились близ нее и могли ее контролировать,³ отсюда и их претензии на „страту“ тогда, когда они уже были в тесной связи с шаханшахами и „под их рукой“. Как ни расценивать прославление царя Амрулькайса в эпитафии, во всяком случае его „высота“ или „слава“, которой „не достигал ни один“, очевидно, арабский царь, говорит о том, что в его руках было объединено много племен. На основании других источников можно говорить о том, что после разрушения Пальмиры в 273 г. и до 363 г., года похода Юлиана Отступника в Персию, Ближний Восток переживал сравнительно мирный период. С известной вероятностью с 300 по 323 г. можно отнести царствование Амрулькайса, державшего

Ф. Альтхеймом (F. Altheim. *Geschichte der Hunnen*, I. Berlin, 1959, стр. 126—127) не может быть принят, так как союз **و** ни в данной, ни в других древнейших арабских надписях не встречается, а глагол **رسا** не требует предлога **ل**, который следует дальше.

¹ F. E. Peiser. *Die arabische Inschrift von en-Nemara*, табл. 280.

² Th. Nöldeke. *Der Araberkönig von en-Nemara*, стр. 463.

³ R. Dussaud. *La pénétration des arabes*, рис. 17, стр. 79.

в повиновении „всех арабов“. Именно поэтому, вероятно, не нарушался мир между арабскими племенами, как это имело место в последующее время, когда арабы „персидские и ромейские“ имели бесконечные стычки и нарушали и без того непрочный мир между этими державами. Надпись датирована. Годом смерти Амрулькайса назван 223 г., который соответствует 328 г. н. э., так как следует считать дату надписи по летосчислению, принятому в Бостре, где эра начиналась в 105 г. н. э.¹ Близость к Бостре оправдала предположение о летосчислении, против которого никем не было сделано возражений. Благодаря надписи из Немары Амрулькайс перестает быть героем легендарных сообщений, он вырастает в историческую фигуру. До настоящего времени не привлекала внимания возможность сопоставить дату его смерти, данную в эпитафии, с хронологическими указаниями арабских хроник.

Сведения, которые дают Хамза Исфаганский и Табари, говорят о последовательности правления князей Хиры. Первым в списке стоит Амра ибн Ади (Адай). Следующим назван его сын Амрулькайс. И первому, и второму приписывается неправдоподобное число лет правления — Амру 118 лет, а Амрулькайсу 114 лет. Эти годы синхронистически сопоставляются с годами правления сасанидских шахов. Несмотря на то, что эти сопоставления были взяты на подозрение еще Нельдеке,² можно убедиться в том, что в арабских хрониках сохранились некоторые достоверные факты.

Хронология Амра и Амрулькайса указывает на то, что на протяжении 232 лет у арабов сохранились данные лишь о двух князьях Хиры. Следовательно можно предположить, что непрерывной линии рода не было или что число лет царствования князей Хиры продлено искусственно и что только два названных имени остались в традиции. Список хиртских князей у Табари восходит к Хишаму ал-Кельби, по словам которого известия об арабах (أخبار العرب), родословие Насра ибн Рабийя (وانساب النصر بن ربيعة), количество лет жизни правивших членов этого рода и хронику их правления он почерпнул „из церквей Хирты“ — من بيع الحيرة. Иначе говоря, в архивах христианских церквей столицы Лахмидов были хроникальные записи царствования этих князей, которыми воспользовался Хишам.³ Записи эти велись путем сопоставления, синхронизации времени их правления с временем царствования сасанидских царей. Эти данные и легли в основу списка князей Хирты

¹ F. E. Peiser. Die arabische Inschrift von en-Nemara, стлб. 281; Ch. Clermont-Ganneau. Recueil, стр. 307.

² Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, стр. 25, прим. 3.

³ Tabari. Annales, quod scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari. Ed. M. J. De Goeje, Prima series, t. II, recensuerunt J. Barth et Th. Nöldeke, Lugduni Batavorum, 1881—1882, стр. 770 (vv.).

у Табари и у Хамзы.¹ Резко отличается от них хронология у Якуби.²

Табари знает об Амрулькайсе, сыне Амра ибн Адай, что он был „первым ставшим христианином из рода Насра ибн Рабийа“ и из „правителей царей Персии“.³ Сообщив, что он княжил 114 лет, с ссылкой на авторитет Хишама, Табари дает, однако, подсчет на гораздо меньшее число лет, кончая его синхронистически на имени Сасанида Бахрама II, дальнейшие сопоставления у него отсутствуют. Те же данные имеются и у Хамзы Исфаганского, который также исчисляет для Амрулькайса 114 лет, но и его синхронизмы не составляют этого числа лет в общей сумме. Сравнивая данные обеих хроник, следует отметить близость данных Табари и Хамзы, возможно, что сведения последнего также восходили к Хишаму. Синхронизм у Табари внезапно обрывается, возможно, что он пользовался дефектным экземпляром Хишама. Искусственность такого рода таблиц, приведенных ниже, очевидна.

Хамза Исфаганский ⁴		Табари ⁵	
Амрулькайс I	— 114 лет	Амрулькайс I	— 114 лет
Одновременно с		Одновременно с	
Шапуром, сыном		Шапуром, сыном	
Арташира,	— 23 года	Арташира,	— 23 года 1 мес.
Хормиздом	— 1 год 10 мес.	Хормиздом	— 1 год 10 дней
Бахрамом	— 9 лет 3 мес.	Бахрамом	— 3 года 3 мес. 3 дня
Бахрамом II	— 1 год 1 мес.	Бахрамом II	— 18 лет
Бахрамом III	— 6 мес.		<hr/> 45 лет 4 мес. 13 дней
Нарсе	— 11 лет		
Хормиздом	— 13 лет		
Шапуром II	— 20 лет 5 мес.		
	<hr/> 80 лет 1 мес.		

Таким образом, ни та, ни другая таблицы не покрывают 114 лет правления Амрулькайса. Очевидно, что лишь синхронизмы последнего периода имеют относительную историческую ценность, тогда как отдаленные сопоставления никак не могут отвечать годам правления Амрулькайса.

Одновременно с Шапуром II Амрулькайс царствовал 20 лет и 5 месяцев, по данным Хамзы. Так как Табари ссылается на Хишама и та часть синхронизмов, которая сохранилась у него, имеет общее со сведениями Хамзы, то возможно, что эти синхронизмы в целом

¹ Там же, стр. 834 (ΛΓϜ).

² G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidin in al-Hira. Berlin, 1899, стр. 54.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Hamsae Ispahanensis. Annalium libri X edidit J. M. E. Gottwaldt. Lipsiae, t. I, 1844, стр. 99—1; t. II, 1848, стр. 78.

⁵ Tabari. Annales, t. II, стр. 834 (ΛΓϜ); G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidin, стр. 54.

восходят к Хишаму. Прерванный у Табари список, возможно, связан с неуверенностью в этих данных.

Царствование Шапура II началось 5 сентября 309 г.,¹ причем 309 год является первым годом его правления, как это было принято считать, хотя бы это был и не полный год. В таком случае смерть Амрулькайса наступила через двадцать лет правления Шапура II и соответствует 328 г.

У Табари имеются два драгоценных свидетельства об Амрулькайсе, которые могут быть сопоставлены с тем, что известно из эпитафии. Прежде всего Амрулькайс принадлежал к числу „правителей царей Персии“ — *وعمال ملوك الفرس*,² что согласуется с данными надписи, упоминающей Иран. По-видимому Табари, а до него Хишам, на которого ссылается Табари, считали, что из числа царей рода Насра иб-Раба Амрулькайс был первым, принявшим христианство (*وهو أول من*

انتصر من ملوك النصر بن ربيعة).³ Нельдеке относил эти слова Табари к кому-нибудь из последующих хиртских царей, носивших то же имя.⁴ Из эпитафии никаких выводов о христианстве Амрулькайса сделать нельзя, нет данных, которые могли бы это подтвердить, но это свидетельство несомненно говорит о его связях с Византийской империей, на территории которой находилась его гробница. В арабской традиции сохранялась, следовательно, память о связях „царя хиртского“ с империей, но переход его в христианство, конечно, не имел места. Это сообщение только говорит об отношениях с Румом, которые известны и по другим источникам.

Арабские историки сохранили также сведения, которые объясняют причины продвижения некоторых арабских племен к границе империи. Так, Масуди сообщает, что в период малолетства Шапура Ирак был захвачен арабами, главным образом племенем „Иада, сына Низара“ (*اياد بن نزار*). Когда Шапур достиг 16 лет, он выступил в поход против племени „бану Иад“. Последнее было предупреждено о грозившей ему опасности своим соплеменником Лакитом, но не приняло этого во внимание. В результате персы разбили это племя и только небольшая часть его спаслась бегством (*وما اقلت منهم الا نفر لحقوا بارض*) — „и те, что вырвались от них бегством, присоединились к земле Рум“).⁵

¹ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, стр. 435.

² Tabari. Annales, t. II, стр. 834 (A-F).

³ Там же.

⁴ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, стр. 47, прим. 3.

⁵ Maçoudi. Les prairies d'or, t. II. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, Paris, 1863, стр. 175—176, 177.

Таким образом, вырисовываются обстоятельства, при которых арабские племена из областей Междуречья продвинулись на запад, в области, принадлежавшие империи. Разные арабские племена, пользуясь временным ослаблением Персии, усилили свои набеги и продвинулись со своими стадами в более северные и восточные области Месопотамии. Шапур „в возрасте 16 лет“, т. е. за несколько лет до 328 г., разбил арабские племена, вследствие чего часть из них перешла границы империи.

Из другого, в значительной части легендарного рассказа, сохранившегося у того же Масуди,¹ очевидно, что Шапур II стремился сохранить мирные отношения с некоторыми племенами арабов и пошел на соглашение с ними. Более чем вероятно, что Амрулькайс главенствовал как над арабскими племенами, продвинувшимися к границам империи, так и сохранил господство над племенами, тяготевшими к Ирану, а тем самым и связь с шаханшахом.

Своим сыновьям он разделил племена, из которых одни тяготели к „Перасу“, другие были теперь предоставлены „Руму“. Сам же Амрулькайс был царем, каких „до него не было“, потому что он объединил под своей властью арабские племена, кочевавшие на огромном пространстве. Противоречивые сообщения об этом периоде при таком сопоставлении источников помогают истолкованию надписи из Немары и объясняют положение ее героя между гегемонами Ближнего Востока.

„Царя всех арабов“ Амрулькайса, сына Амра, следует считать Амрулькайсом I и относить его царствование к 300—328 гг.² Время господства Амра, его отца, следует отнести к последним 30 годам III в. н. э., после того как Пальмира была низвергнута Римом.

Выше было уже отмечено, что надпись, упоминая рядом Перас и Рум, тем самым занимает позицию не их враждебного противопоставления, а примирения, объединения, хотя первое, и потому доминирующее, положение принадлежит Ирану. Чему соответствует и „тадж“ Амрулькайса — повязка, известная по иранской традиции, хотя слово это и имело широкое распространение на всем Ближнем Востоке.

Нам представляется возможным сделать общий вывод, что в IV в. арабские племена Передней Азии, включая Аравийский полуостров, не находились в такой постоянной и тесной зависимости от Восточно-Римской империи и Ирана, как это имело место в последующие века. Они оказывали помощь и служили в качестве *auxilia* то одной, то другой стороне, но не было еще утвердившейся позиции союза арабских племен в качестве буферного государства, подчиненного одной или другой державе. На это указывает надпись из Немары, на основании которой можно считать, что Лахмид Амрулькайс господствовал на пространствах до самой „страты“ Диоклетиана вблизи Бостры и Дамаска.

¹ Там же, стр. 178—181.

² R. Dussand. *La pénétration des arabes*, стр. 65.

Это подтверждается и другим свидетельством. Аммиан Марцеллин сообщает о том, что на стороне Ирана в кампании 363 г. сражались арабы, их главой назван „Malechus Podosacis nomine, phylarchus Saracenoꝝum Assanitarum“.¹ Нет сомнения в том, что Ассаниты — это без придыхания произнесенное Гасаниды. Следовательно, филарх Гасанидов, которого Аммиан называет разбойником и обвиняет в постоянных жестоких нападениях на пограничные области империи, находился на службе у шаханшаха и оказывал ему помощь в войне. Таким образом, связь племен, объединенных Гасанидами, не определилась еще с Восточно-Римской империей, как постоянная. Наоборот, филарх Подозак сражается на стороне Ирана, враждебен войскам Юлиана и в предшествующее время нарушал границы империи. Это вполне отвечает отсутствию установившейся зависимости в IV в. как Гасанидов, так и Лахмидов от гегемонов Передней Азии. Зависимость эта определится лишь в V в. и скажется в полной мере в VI в. Но следует отметить, что после 363 г. сообщения о „сарацинах“ начинают вновь появляться на страницах латинских и греческих источников в связи с походом Юлиана.

Для истории арабов до возникновения ислама важным источником являются сообщения латинских и греческих историков. Они помогают уяснить содержание, уточнить хронологию и представить последовательность событий, которые лишь редко и лаконично указываются в эпиграфических памятниках.

У писателей IV в. имеются сообщения об арабах, рисующие жизнь и быт арабов, их участие в войнах, их набеги. Эти сообщения позволяют также определить общественный строй мелких арабских государств, их кочевую жизнь, в известной мере и социальные отношения племен.

Несомненный интерес представляет то, что сообщает об арабах Аммиан Марцеллин, спутник императора Юлиана. Значительная часть его „Res gestae“ написана на основании непосредственных, личных впечатлений и устных источников, как это доказывают новейшие исследования.² Данная им характеристика жизни арабов, как и отмеченные им черты в отношениях с империей, подтверждается и другими современными ему писателями, и в этом случае нет расхождения между ним, человеком светским и военным, и церковными историками. Ранние историографы Восточно-Римской империи были историками церкви, представителями нового идеологического направления. В их трудах имеются страницы, посвященные политической истории, в связи с чем упоминаются арабы, которые временами становились союзниками империи в ее военных предприятиях. В других случаях они были ее жестокими

¹ Ammiani Marcellinis rerum gestarum libri qui supersunt, recensuit Fr. Eyssenhardt. Berolini, 1871, 24, 2, 4, стр. 297. (В дальнейшем: Ammianus Marcellinus).

² E. A. Thompson. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, стр. 20—42.

врагами, производили нападения на ее границы и держали целые провинции в страхе и ужасе.

Последовательный анализ всех разнообразных источников по истории северных арабских племен до возникновения ислама не имел места, между тем только на основе такой работы и может быть воссоздана их история.

Об арабах Аммиан Марцеллин упоминает в связи с персидским походом императора Юлиана в 363 г. Ранней весной были подготовлены войска для перехода через Евфрат и дальнейшего движения на восток. В это время „посланцы нескольких народов“ обратились к Юлиану, предлагая свою помощь (*inter haec tamen legationes gentium plurimarum auxilia pollicentium liberaliter susceptae remittebantur*).¹ Хотя здесь и упомянуты „разные“ народы или племена, вероятнее всего, что речь шла главным образом об арабских племенах. Приняты были эти посланцы любезно, но их помощь (*auxilia*) была отклонена, причем был выдвинут совершенно ложный предлог — якобы ромейское войско должно в данной войне опираться только на собственные силы. Следует предположить, что у императора не было уверенности в тех племенах, которые предлагали ему свою помощь. Военачальники ромейских войск прекрасно понимали, какое значение могли иметь превосходно осведомленные в местных условиях арабы, конница которых отличалась отвагой и быстротой передвижения.

Войска Юлиана и он сам провели 27 марта 363 г. в крепости Каллинике (Ницефориум-Ракка), расположенной на левом берегу Евфрата. По этому левому берегу вдоль течения реки тянулась дорога, по ней, по-видимому, и следовала армия, так как через некоторое время она достигла Киркесия (*Circesium*).² Когда Юлиан отошел от Каллиника, его войско расположилось „в некоем лагере“ (*in statione quadam*) и „пребывало в палатках“ (*sub pellibus mansit*). Сюда к Юлиану явились другие „царьки сарацинских племен“, которые, преклонив колени, поднесли ему золотую корону и воздали почести, как „господину народов мира и своему“ (*ubi Saracenarum reguli gentium quibus supplices nixi oblata ex auro corona tam quam mundi nationumque suarum dominum adorarunt sescepti gratanter ut ad furta bellorum adpositi*).³ Эти посланцы не в пример первым были приняты с радостью (*gratanter*) как „расположенные“, т. е. более надежные и пригодные для скрытой, тайной войны.⁴ Очевидно, на них возлагались надежды, как на умеющих вести разведку, захватить „языка“, как это видно и из дальнейшего.

¹ Ammianus Marcellinus, 23, 2, 1, стр. 266.

² R. Dussaud. Topographie historique de la Syrie antique et médiéval. Paris, 1927, carte XIV.

³ Ammianus Marcellinus, 23, 3, 8, стр. 269.

⁴ Ю. А. Кулаковский несколько сужает смысл выражения *ut ad furta bellorum adpositi* как „их пригодность для партизанской войны“ (Аммиан Марцеллин.

Присоединив к своим войскам *auxilia*, т. е. „помощь“ арабских отрядов, имперские войска двинулись „быстрым шагом“ и достигли в начале апреля сильной крепости Киркесия, которая благодаря слиянию Хабора и Евфрата превращалась в стоящее как бы на острове укрепление (*Adscitis Saracenorum auxiliis, quae animis obtulere promptissimis, tendens imperator agili gradu Cercusium principio mensis Aprilis ingressus est*).¹

Заслуживают внимания выражения, в которых Аммиан говорит об укреплении Киркесия. Его стены и крепость были сооружены при Диоклетиане, когда он „устраивал“ или приводил в порядок пограничную линию, „внутренние границы“, т. е. укреплял смежные с „варварами“ или близкие им рубежи (*cum in ipsis barbarorum confiniis interiores limites ordinaret*).² Он укреплял как бы вторую линию границы, находившуюся уже далее первой собственно имперской границы и представлявшую как бы вынесенные вперед форпосты. Известная неопределенность границы там, где находились кочевые и полукочевые арабские племена, может быть отмечена по целому ряду источников и представляет своеобразное явление. Эта граница не была строго определенной, как об этом свидетельствуют различные данные.

Арабы действительно оказали в дальнейшем помощь ромеям и немного времени спустя доставили из разведки пленных (*Post quae Saraceni procuratores partis cuiusdam hostium obtulere laetissimo principi et munerati ad agenda similia sunt remissi*³ — „После чего легкие передовые части арабов добыли пленных к радости императора и были отпущены одаренными для того, чтобы поступали впредь подобным же образом“). Военачальники имперских войск считали такие действия выгодными для себя, так как пленные всегда могли дать сведения, необходимые для дальнейших военных действий.

Большой интерес представляют сообщения о том, что некоторые арабские племена были на службе у шаханшаха. Так, Аммиан Марцелин указывает, что персы, узнав о том, что один из отрядов войска Юлиана должен был выйти на рекогносцировку, решили этому воспрепятствовать. Это должны были осуществить „сурена“ (*Surena post regem apud Persae promeritae dignitatis*), т. е. военачальник, „имеющий высшее звание после царя у персов“, и „филарх“ арабов, воевавший на стороне персов (*Malechus Podosacis nomine, phylarchus Saracenorum Assanitarum, famosi nominis latro, omni saevitia per nostros limites diu grassatus*⁴ — „Царь по имени Подосак, филарх сарацин гасанидских,

История, вып. II, Киев, 1907, стр. 162), тогда как „тайная“, „скрытая“ война включает и понятие разведки.

¹ *Ammianus Marcellinus*, 23, 5, 1, стр. 272.

² Там же, 2, стр. 272.

³ Там же, 24, 1, 10, стр. 295.

⁴ Там же, 24, 2, 4, стр. 297.

известный разбойник, со всяческой свирепостью в наших пределах давно буйствовавший“). *Malechus*, конечно, соответствует арабскому „царь“ (*malik*). Имя Подозак трудно связать с каким-нибудь арабским соответствующим именем и по своему окончанию оно скорее отвечает именам персидским. Что касается „сарацин ассанитских“, то совершенно очевидно, что речь идет о племени Гасанидов, которое в V в. приобрело существенное значение на границах империи и заняло особенно важное положение, как союзное Византии в VI в.

Упоминание гасанидского племени в таком памятнике, как „*Res gestae*“ Аммиана, указывает на то, что его присутствие в областях по Евфрату и в Месопотамии может быть отмечено раньше, чем это было принято. Более того, совершенно очевидно из текста, что Гасаниды с Подозаком и до начала похода Юлиана были враждебны империи, так как филарх назван „известным“ или „знаменитым разбойником“, который постоянно нарушал границы, „буйствовал“, и притом „свиреп“, в областях, принадлежавших ромеям. Его враждебность объясняет и то, что при первой возможности именно сильное племя Гасанидов было привлечено Константинополем на службу и должно было действовать на границах в качестве охраняющих ее отрядов. Филарх этого племени стал получать жалованье или содержание от империи.

Аммиан Марцеллин излагает также общий взгляд на арабов, который является выражением мнения, господствовавшего в правительственных кругах империи, близких самим кесарям. „Нам не следовало бы желать иметь арабов ни друзьями, ни врагами“ (*Saraceni tamen nec amici nobis utquam nec hostis optandi*), так как они блуждают или ездят туда и сюда и в кратчайшее время — *momento temporis* — опустошают все, до чего могут добраться. Территорию распространения арабов Аммиан Марцеллин определяет от границ Ассирии, т. е. в его время персидской провинции в нижнем течении Тигра, до „катаракт Нила“ и „пределов блеммиев“. В другом месте „*Res gestae*“ говорится, что на восток от Египта находятся арабы-скиниты, „которых мы ныне называем сарацинами“.¹ Перечисляя местонахождение различных народов вслед за Красным морем, Аммиан Марцеллин называет арабов-скинитов, „которых впоследствии назвали сарацинами“.²

Все арабы без различия — воины (*omnes pari sorte sunt bellatores*). Они ходят полуобнаженные — (*seminudi*), в цветных одеждах, вернее плащах, покрывающих их до бедер (*coloratis sagulis pube tenuis amicti*).³ Их беспорядочное передвижение, то спокойное, то тревожное (*in tranquillis vel turbidis rebus*), осуществляется на быстрых свирепых лошадях и сухощавых верблюдах. Никогда и никто из них не берется

¹ Там же, 22, 15, 2, стр. 255.

² Там же, 23, 6, 13, стр. 279.

³ Там же, 14, 4, 1—3, стр. 8.

за рукоятку сохи, не сажит дерева, не ищет пропитания в обработке земли. Они вечно блуждают, передвигаются „вдоль и поперек“ пространств, без дома, без определенного места жительства. Они не могут длительно оставаться под одним и тем же небом, и им не нравится одно и то же место на земле, „их жизнь постоянно в движении“ (*vita est illis semper in fuga*).¹

Описание арабов, данное спутником императора Юлиана, совершенно ясно говорит, что это племена кочевые, без каких-либо признаков оседания, совершенно не связанные с земледелием, хотя бы и в самой примитивной форме. Брак у арабов рисуется им, как временное соглашение, заключенное на определенный срок (*conducte ad tempus ex pacto*). Женщина дарит будущему мужу копье и палатку (*hastam et tabernaculum offert*) и может его покинуть, если сама того пожелает, в назначенный срок. И вновь, подчеркивая постоянное их передвижение, Аммиан говорит, что женщина в одном месте выходит замуж, в другом рождает, в третьем воспитывает детей, „не допуская возможности покоя“ (*nulla copia quiescendi permessa*).

Примитивному образу жизни соответствует и их пища — это мясо животных и молоко, которое они имеют в изобилии, разнообразные травы и пернатая дичь, если им удастся ее захватить. Автор сам встречал многих арабов, которые совершенно не знали употребления зерна и вина (*et plerosque nos vidimus frumenti usum et vini penitus ignorantibus*).²

После смерти императора Юлиана поставленный войсками Иовиниан начал отступление из персидских пределов. Июльская жара, голод, жажда истомили ромеев, а нападения арабов, ставших им враждебными, держали их в напряжении. Враждебные действия „сарагин“ были вызваны тем, что по распоряжению Юлиана было запрещено выдавать им жалованье или подарки, как это было прежде (*quod salaria munera que plurima a Iuliano ad similitudinem praeteriti temporis accipere vetiti*). Им было строго сказано, что „у воинственного и бдительного императора имеется железо, но не золото“ (*solum audierant imperatorem bellicosum et vigilantem ferrum habere, non aurum*).³ Прекращением выдачи подарков и оплаты арабам ромейские войска были поставлены в особенно тяжелые условия, так как те вели мелкие стычки, причиняли неприятности и вредили им. Открыто не осуждая Иовиниана, Аммиан Марцеллин все же дает понять, что лучшая и наиболее безопасная форма сношений с арабскими племенами была мирная, располагающая их к себе путем дотаций, вознаграждений и подарков. Иметь их врагами было нежелательно, особенно в данном опасном и далеком походе.

¹ Там же, 14, 4, 3—4, стр. 8.

² Там же, 14, 4, 6—7, стр. 8.

³ Там же, 25, 6, 10—11, стр. 332.

Для представления о самом характере отношений, которые складывались между арабскими племенами и Византией, особого внимания заслуживают сведения о „сарадинской царице — Мавии“.

Переводчик с греческого на латинский „Истории“ Евсевия Кесарийского, Руфин, добавил от себя две книги, в которых описал события второй половины „царствования Константина“ и „до кончины Феодосия Августа“. В этой части истории, написанной в ближайшие годы после 402 г., содержится рассказ об арабских племенах и их войне с Византией. Описываемые им события датируются временем императора Валента (364—378 гг.), а более точно — ближайшими годами после смерти Афанасия Александрийского, т. е. после 373 г., когда деятельность арианствующего епископа Лукия приняла особенно агрессивный характер в Александрии. С наибольшей вероятностью эти события можно отнести к 376 г.

Руфин сообщает следующее: „Мавия, царица арабских племен (*Saracenoꝝ gentis regina*), вела ожесточенную войну в Палестине и арабских пределах (*Arabici limitis*), стала разрушать города и крепости (*oppida atque urbes*) и опустошать селения и провинции (*vicinasque . . . provincias*). Частыми войнами она ослабила ромейские войска, многих погубила, прочих обратила в бегство“.¹ Соглашаясь заключить мир, о котором ее просили, Мавия оговорила условие, чтобы „некий монах ее племени (*genti suae*) по имени Моисей был поставлен епископом“. Известный своей добродетельной жизнью, Моисей не пожелал получить посвящения от Лукия в Александрии, как от еретика, и упрекал его в жестоком преследовании православных клириков. Монах Моисей потребовал посвящения от этих последних, от „епископов, которые были брошены в изгнание“ (*ut ad episcopis, quos in exilium truserat sacerdotium sumeret*).²

Этот рассказ Руфина был широко использован греческими авторами. Он повторяется у Сократа,³ описавшего события с 305 до 439 г. Сократ родился около 380 г., был светским человеком, юристом (имел звание схоластика), он жил в Константинополе. Свою „Историю“ он писал при жизни Феодосия II, причем пользовался документами, которые приводил дословно. В предисловии ко 2-й книге он указывает, что сочинение Руфина было его источником, но что последний допускал ошибки в хронологии.

Особый интерес представляют сведения Созомена, литературная деятельность которого относится к первой половине V в. (в царствование Феодосия II, 408—450 гг.). Созомен пользовался Руфином и Сократом, но, кроме того, располагал источниками по истории Ирана

¹ Eusebius Werke. Die Kirchengeschichte, herausgegeben von. Ed. Schwartz, Bd. II, Teil. 2, Leipzig, 1908, стр. 1010.

² Там же, стр. 1012.

³ Там же, стр. 1010—1013.

и Палестины, часть которых была устной традицией,¹ о чем свидетельствует его выражение „говорят“, которым он предваряет некоторые свои сообщения. К числу таких рассказов принадлежит и то, что он сообщает об арабах-скинитах и их христианизации, — факты, ставшие ему известными изустно. Его рассказ о Мавии гораздо более подробен, чем у Руфина и Сократа, в нем есть черты, вырванные прямо из живой жизни. Кроме того, Созомен дополнил свой рассказ „исторической“ справкой о происхождении измаильтян, „о сарацинах“ и о начале распространения среди них христианства.

Заголовок и текст 38-й главы 6-й книги „Истории“ Созомена² следующий:

„О Мавии, арабском филархе, о том как был разорван договор с ромеями и был возобновлен епископом Моисеем, поставленным для их христиан. Также рассказ о измаильтянах и сарацинах, и их божествах, и как через их филарха Зокома началась их христианизация.

„В это самое время умер царь арабов, и были расторгнуты их договоры с ромеями. Его жена Мавия, принявшая управление племенами (τῆν ἡγεμονίαν τοῦ ἔθνους ἐπιτροπέουσα), опустошала города Финикии и Палестины и до населенных египетских областей, называемых климатом Аравии, что на левой стороне Нила, если плыть против течения.

„Хотя война и велась женщиной, ее нельзя было назвать легкой. Говорят, что эта борьба была трудной и непреодолимой для ромеев, так что начальник войск в Финикии (ὧς καὶ τὸν ἡγεμόνα τῶν ἐν Φοινικῇ στρατιωτῶν) призвал на помощь стратига всех конных и пеших войск востока. Этот посмеялся над его зовом и приказал ему не вступать в бой (= не участвовать в бою). Построившись, он выступил против Мавии, но был обращен в бегство и был едва спасен начальником (ἡγεμόν) палестинских и финикийских войск. Последний, видя его (стратига) в опасности, считал, что оставаться вне битвы согласно его приказу неразумно, он поспешно выступил, противостал варварам, дав время стратигу для безопасного бегства. Сам же он, понемногу отступая, метал стрелы и отражал стрелами нападавших врагов. Многие из живущих там до сих пор об этом вспоминают, а арабами воспевается в стихах (παρὰ δὲ Σαρακηνοῖς ἐν ᾠδαῖς ἐστίν).

„Обремененные войной, ромеи считали необходимым обратиться к Мавии с посольством относительно мира. Говорят, что она отвергла предложение послов о договоре с ромеями, если ее подданным (τοῖς ὑπ' αὐτὴν ἀρχομένοις) не рукоположат епископом некоего Моисея, который

¹ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. I. СПб., 1907, стр. 165—166; G. Schoo. Die Quellen des Kirchenhistorikers Sozomenos. Neue Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche, herausgegeben von N. Bonwetsch und R. Seeberg. Elfte Stück, Berlin, 1911, стр. 90, 92, 94.

² Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, т. II. Ed. R. Hussey, Oxonii, 1860, стр. 667.

тогда мудрствовал в ближней пустыне. (Он был муж добродетельной жизни, известный божественными знаменьями и чудесами). Начальники войск, сообщив об этом царю и получив его согласие, взяли Моисея и привели его к Лукию“.

Но Моисей, как об этом сообщил и Руфин, не хотел принимать посвящения в Александрии у арианствующего Лукия; он обвинял его при всех и поклялся в своем решении твердо. Тогда его были вынуждены свести к епископам, которые были в ссылке, и он получил у них сан епископа.

Затем „он отправился к арабам, примирил их с ромеями, сам продолжал священствовать, многих подготовил к христианству, найдя многих, точно усвоивших догматы“.¹

Сообщения этих авторов говорят о том, что арабы, как это было и в последующие времена, то вступали в соглашение с империей, то нарушали ее спокойствие. Около 376 г. император Валент находился в Антиохии. Как только он ее покинул, арабы подняли восстание.² К этому времени относится смерть филарха, мужа Мавии, не названного в текстах по имени. Мавия его сменила и нашла повод для нарушения договора с ромеями. Сократ говорит, что „арабы, прежде подчиненные, отпали от ромеев“,³ а Созомен вслед за смертью филарха сообщает, что договор был нарушен или расторгнут (*σπονδαὶ ἐλύθησαν*), после чего под предводительством Мавии начались нападения на города Финикии и Палестины. Описание этой войны, в которой были призваны к участию конные и пешие войска, возглавляемые стратигом, указывает на то, что местные легионы и их военачальник справиться с этими нападениями не имели сил. Самая необходимость дать возможность стратигу отступить под прикрытием отрядов „эгемона“ говорит о том, что война была для имперских войск тяжелой. Такова и характеристика этой войны в источниках, Руфин называет ее „сильной“, грозной войной (*vehementi bello*), а Созомен „трудной и непреодолимой для ромеев“ (*χαρτεράν γάρ καὶ ἀνεκαταγώνιστον φασὶ γινέσθαι Ῥωμαίους τὴν μάχην*).

Царица Мавия была христианкой. Древнейший источник — Руфин — считал, что она была арабского происхождения, так как называет Моисея, которого она просила поставить в епископы для арабов-христиан, человеком „ее племени“ (*suae genti*). Созомен не говорит специально о ее происхождении, но, видимо, его мнение совпадает с мнением Руфина. Только более поздние авторы, как Феофан, а затем Михаил Сириец, считают ее гречанкой. Феофан пишет: „Говорят, что

¹ Там же, стр. 671.

² A. Vasiliev. Notes on some episodes concerning the relations between the Arabs and the Byzantine empire from the fourth to the sixth century. *Dumbarton Oaks Papers*, №№ 9 and 10. Cambridge Massachusetts, 1956, стр. 307.

³ Socrates. *Historia ecclesiastica*, IV, 36, t. II. Ed. R. Hussey, Oxonii, 1853, стр. 564.

и она была христианкой, родом ромейнка, захваченная в плен и взятая за красоту царем арабов и таким путем достигшая царствования".¹ Это повторяет и Михаил Сириец.²

Желание Мавии иметь для „своих христиан“ епископа, араба по происхождению (*Σαρακηνὸς τὸ γένος*),³ было понятным. Все народы, обращаемые в христианство, обычно стремились стать иерархически независимыми и Византии приходилось идти на соглашение, как она это сделала для Армении и в последующие века для славянских народов.

Как текст первоисточников, так и воинственность Мавии, подчинение ей арабов, и самое поставленное ею условие — посвящение в епископы араба — говорят за ее принадлежность к арабскому племени. Моисей оказался ярким противником арианства и отказался принять посвящение от Лукия, а требовал, чтобы ему дали возможность принять его от „епископов“, которые „брошены в ссылку“ (*ut ad episcopis, quos in exilium truserat, sacerdotium sumeret*).⁴ Среди арабского населения он проповедовал и многих обратил в христианство, тем более, что догматы были ими мало усвоены. Созомен делает тут же экскурс в историю арабов, сообщает об „их происхождении от Исмаила“ и о том, как филарх арабов Зоком сам принял христианство и многих своих соотечественников привел к тому же.⁵

Когда в 378 г. император Валент прошел со своими войсками всю Фракию, в походе против готов, он достиг Адрианополя. В плохо подготовленном им бою его конные и пешие войска были рассеяны. Сам Валент с немногими сопровождавшими попытался скрыться в какой-то хижине от преследовавших его готов, которые, обнаружив его убежище, обложили его хворостом и сожгли вместе со всеми там находившимися.⁶ Готы после своей победы двинулись обратно, разоряя и опустошая всю Фракию, и совершили набеги на предместья Константинополя. Феофан говорит о разоренных ими проастиях (*τὰ προάστια Κωνσταντινουπόλεως ἐδήρουν*).⁷ Защиту столицы организовала вдова Валента, Домника, которая использовала „немногих посланных Мавией из союзных сарацин“ (*ἐκ μὲν τῶν ὑποσπόνδων Σαρακηνῶν παρὰ Μανίας ἀποστάλentes*),⁸ т. е. немногочисленные отряды арабов, посланные Мавией в качестве федератов. Связанные соглашением (*ὑποσπόνδοι*) арабы выполняли взятые на себя обязательства, заключавшиеся в сохранении мира с империей

¹ Theophanes. Chronographia, vol. I. Ed. C. De Boor, Lipsiae, 1883, стр. 64.

² Michel le Syrien. Chronique, texte syriaque, t. 4. Paris, 1910, стр. 151—152.

³ Socrates. Historia ecclesiastica, IV, 36, t. II, стр. 564.

⁴ Rufinus. Historia ecclesiastica, XI, 7, стр. 1012.

⁵ Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, t. II, стр. 672—673.

⁶ Там же, 40, t. II, стр. 676—677.

⁷ Theophanes. Chronographia, vol. I, стр. 65.

⁸ Sozomenos. Historia ecclesiastica, VII, 1, стр. 678—679.

и в оказании ей военной помощи.¹ Значительным было то, что народ сам бросился защищать город, „вооружившись как попало“ (ἐκαστος τὸ παρατυχάνον ἀντὶ ὅπλου λαμβάνοντες), а Домника приказала выплачивать им из демосиона (ἐκ τοῦ βασιλικῆς ταμείου) такое же жалование (μισθὸν), как и стратиотам.² Такое поощрение также оказало свое действие, и общими усилиями враги были отброшены далеко от Константинополя.

В несколько ином виде сообщает об этих же фактах и Аммиан Марцеллин. После гибели императора Валента³ готы, гунны и аланы продолжали двигаться и угрожали Константинополю. Против них выступил и сразился с ними отряд арабов, находившийся в распоряжении военачальников империи. Битва была длительной. Исход ее решил ужас, который внушил готам поступок одного из арабов: бросившись вперед с ножом, он перерезал горло готу и стал пить его кровь. Страх и ужас заставили остальных снять осаду и уйти в северные области Балканского полуострова.⁴ Возможно, что сообщенный Аммианом Марцеллином факт и имел место, но, конечно, не он заставил варварские отряды оставить осаду Константинополя и уйти. Руфин и Созомен сообщают о защите столицы ее вооруженными гражданами, войском и отрядами арабов, — все это вместе и вынудило готов отступить. Это положение вещей и следует признать отвечающим исторической действительности.

Участие сарацин в жизни империи этим не ограничивается. Сократ сообщает, что Мавия выдала свою дочь замуж за стратилата Виктора и поэтому оставалась верной заключенному с Византией миру.

История Мавии показывает одно из звеньев той цепи отношений, которые связывали арабов-скинитов с империей, политика которой была направлена на возможные соглашения с арабскими племенами, заключения договоров, условий, на которых они являлись бы ее союзниками и в положении федератов помогали в борьбе с другими варварскими народами.

Имя Мавии известно и из арабских источников. Так, Хамза Исфганский сообщает, что Лахмид Амрулькайс ибн Амр ибн Адай наследовал своему отцу Амру ибн Адай. Матерью этого Амрулькайса была „Мавия, дочь Амра, сестра Кааба, сына Амра Аздита“ (وامه ماوية بنت) (عمرو اذت كعب بن عمرو الأزدي).⁵ В этой генеалогии Амрулькайсу приписано 114 лет царствования, из которых последние 20 лет и пять месяцев имели место при Шапуре, сыне Хормизда (309—379 гг.).

¹ Socrates. Historia ecclesiastica, V, 1, t. II, стр. 574.

² Там же.

³ Ammianus Marcellinus, 31, 13, 12—17, стр. 520.

⁴ Там же, 31, 16, 3—7, стр. 527.

⁵ Hamza Isphahanensis. Annales, t. I. Ed. I. M. E. Gottwaldt, Petropoli, 1844, стр. 100; t. II, Lipsiae, 1848, стр. 78.

Имеются все основания предполагать, что только это последнее сопоставление отвечает исторической действительности, тогда как все предшествующие царствования сасанидских царей сопоставляются с временем господства Амрулькайса, чтобы заполнить длительный период, о котором у арабов не сохранилось сведений, кто именно царствовал из Лахмидов. Если принять во внимание эти соображения, как и то, что Лахмид Амрулькайс умер в 328 г. недалеко от Бостры, то соответствия с греко-латинскими источниками не получается, так как смерть мужа Мавии, после которой она стала филархом, относится ко времени императора Валента, а восстание арабов еще точнее — к 376 г. Кроме того, у Мавии была дочь, которую она выдала за военачальника Виктора. Если бы у Мавии был сын, он, конечно, наследовал бы отцу, а не она. Смутные традиции арабских генеалогий могли бы позволить считать Мавию матерью второго Амрулькайса, названного Хамзой, но и то с натяжкой. Вероятнее всего предположить, что муж Мавии принадлежал к одной из боковых ветвей Лахмидов, а Мавия носила имя, принятое в роде Аздитов, как на это указывает сообщение Хамзы, приведенное выше.

Табари называет мать Мунзира, сына Амрулькайса, Марией, у Хамзы она тоже названа Мавией. Нельдеке считает эти генеалогии сомнительными.¹ Эти последние имена относятся к VI в., так как они хронологически отнесены ко времени шаха Кавада.

В политических связях империи, в вопросах сближения и смягчения отношений с „варварскими народами“ существенное значение имел идеологический момент. Христианство как официальная религия Восточно-Римской империи получило возможность более широкого распространения. Обращение некоторых арабских родов и племен к христианству, по свидетельству источников, не было связано со специальной миссией, оно носило как бы случайный характер.

Арабов по происхождению называют „измаилитами“ (Ἰσμαηλίτας αὐτοὺς οἱ ἀρχαῖοι ἀπὸ τοῦ προπάτορος Ἰσμαήλα), по „праотцу“ Исмаилу, сыну Авраама, рожденного от его рабыни Агари.² По мнению Созомена, первоначально арабы жили по законам, принятым древними евреями, но затем „исказили“ этот образ жизни и позаимствовали свои обычаи у других соседних народов, стали чтить их богов и переняли их нравы. Но, встретив впоследствии иудеев, часть арабов вновь перешла к их обычаям. Представление примитивное, но в нем следует принять во внимание не столько соображения Созомена, сколько факты, о которых он сообщает.

Незадолго до „настоящего царствования“ арабы „начали принимать христианство“ (Ὁὐ πρὸ πολλοῦ δὲ τῆς παρούσης βασιλείας καὶ χριστιανίζειν

¹ Там же, t. I, стр. 105; t. II, стр. 81—82; Th. Nöldeke. Tabari. Geschichte der Perser und Araber, стр. 169.

² Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, t. II, стр. 671.

ἤρξαντο).¹ Какое царствование имеет в виду Созомен, то ли время, когда он сам писал, т. е. при Феодосии младшем, или то время, которое он описывает в данной главе, время императора Валента? Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что христианизацию арабов на основании этих сведений следует отнести ко второй половине IV в. Арабские племена были, по мнению Созомена, обращены в христианство клириками и монахами, которые жили в пустыне; с ними кочевавшие арабы приходили в близкое соприкосновение. Филарх одного из племен, по имени Зоком, так как ему было обещано рождение сына, принял крещение, а за ним и все его племя. „Говорят, что поэтому это племя стало удачливым, многочисленным и страшным для персов и прочих арабов“ (Ἐξ ἐκείνου τε ταύτην τὴν φιλήν γενέσθαι φασὶν εὐδαίμονα καὶ πολὺνδρωτον, Πέρσαις τε καὶ τοῖς ἄλλοις Σαρακηνοῖς φοβερὰν).²

Арабское племя, о котором идет речь, не названо, но имя Зокома встречается у Феофилакта Симокатты. В 586 г. во время византийско-персидской войны в столкновениях при крепости Мардине (ἢ τοῦ Μάρδιος φρουρά) упомянуты „филархи союзного войска ромеев, сарацины“ Ошр и Зогом.³ Имя Зокома следует сопоставить с арабским ضميم,⁴ как это было предложено Гутшмидтом и Нельдеке.⁵ Это род, принадлежавший к племени Салих, с которым Гафнидам пришлось сражаться, когда они добивались господства. Можно насчитать четыре последовательных поколения до последнего потомка этой династии Зоджома (Зокома), брат которого Зияд ибн Хабула сражался с киндитом Хогром Акил ал-Мураром, дедом Харита.⁶ Таким образом, арабская традиция находит свое подтверждение в греческой.

Если рассмотреть те материалы, которые дают источники об арабах IV в., то можно установить, что северные племена не были ни по уровню общественного развития, ни по образу жизни однородны. Одни из них жили в примитивных условиях племенной организации, в которой все мужское население несло военные функции и было войском. О них говорится как о не имеющих никаких навыков оседлой жизни, вечно находящихся в движении, удовлетворяющих свою потребность примитивной пищей скотовода — молоком и мясом.

Наряду с этим часть племен или их верхушка испытывала на себе влияние более высокой культуры соседних оседлых народов, как пер-

¹ Там же, стр. 672.

² Там же, стр. 673.

³ Theophylactus Simocatta. Historia, II, 2. Ed. C. De-Boor, Lipsiae, 1887, стр. 72, в тексте в винительном падеже: τὸν τε Ψυρον καὶ Σώγομον.

⁴ Hamza Hispanensis. Annales, t. I, стр. 115; t. II, стр. 90.

⁵ Th. Nöldeke. Die Gassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's. Abhandlungen der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-Historische Classe, Abh. II, Berlin, 1888, стр. 8.

⁶ Там же, стр. 9.

сов, греков, в значительной мере сирийцев, иудеев и арамеев. Язык и письменность набатеев свидетельствуют о развитии культуры в Петре (как и замечательные памятники архитектуры и эпиграфики Пальмиры), хотя они писали арамейским алфавитом на арамейском языке. Но не только эти группы оседлых арабов, по своему этническому происхождению, приобщались к культуре. Тот же Аммиан Марцеллин знает арабские племена, заключающие соглашения с мощными государствами Передней Азии. Сократ и Сохомен повествуют об их участии в жизни Византийской империи. С проникновением христианства в среду арабов-скинитов они приобщались ко всему, что оно несло, как письменность, книги, ритуал, материальную культуру и новые глубокие понятия, которые изменяли все их представление о жизни. Сближаясь с частью арабских племен, мощные государства Ближнего Востока получали возможность воздействовать на другие независимые кочевые племена, воинственность которых постоянно угрожала их границам.

N. Pigoulevskaja

LES ARABES A LA FRONTIÈRE DE BYZANCE AN IV s.

Les tribus arabes du nord an IV s. n'ont pas été subordonnées ni a Byzance, ni a l'Iran. Liés relativement avec les grand royaumes du Proche-Orient, les arabes s'engagent comme auxilia aux temps des guerres, pour devenir de nouveau hostiles ensuite. La conversion au christianisme de quelques familles arabes par les moines du désert étaient un fait important pour Byzance.